СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие . . . 9

Введение . . . 15
Один эпизод из семейной истории . . . 15
«Развитой социализм» и сельская молодежь . . . 17
Неравенство . . . 25
Сельские миры Вологодчины . . . 30
Методология . . . 35
Источники . . . 41

Часть I. Быть селянином в СССР

Глава 1. Понятие «сельскость» в дискурсе «развитого социализма» . . . 46
Что такое «сельскость»? . . . 46
Класс и территория . . . 50
Программа новой жизни . . . 58

Глава 2. Душой в деревне: бывшие крестьяне и их новые идентичности . . . 70
Научный сотрудник и корова . . . 70
Жанры и дискурсы модерности . . . 73
Детский труд . . . 79
Сельская пастораль и вологодские просторы . . . 85
Расти несовременным . . . 90
Культурная география и память о сельском прошлом . . . 96

Часть II. Сельская школа

Глава 3. Колонизация сельского знания . . . 100
Школа и класс в советском образовании . . . 100
Сельская школа в дискуссиях о характере советского образования . . . 108
Всеобуч: всеобщее школьное образование . . . 118
«Оптимизация» школьной системы . . . 123
Интернаты при сельских школах . . . 131
Проблема больших расстояний . . . 136
Быть готовым для деревни: производственное обучение . . . 139
Подготовка педагогических кадров . . . 147
Эффекты школьной реформы . . . 151

Глава 4. «Ученье — свет, а неученье — тьма»: ученики сельских школ и пути молодежной социализации . . 157
Двойная дискриминация и выбор жизненных стратегий 157
Иерархия сельских школ 165
«Культурный досуг» и деревенские школьники 171

Глава 5. Сельскость как наказание: двоечники, переростки и «слабоумные» 181
История Гены С., или Почему сельские школьники не хотели учиться в школе 181
Социалистические обязательства учителей: борьба с двоечниками и второгодниками 191
Битвы за всеобуч 195
Умственная отсталость, или Медикализация социального диагноза . . 202
Женская антимодерность: школьные беременности 210

Глава 6. Сельская школа и празднование советских юбилеев . . 219
Юбилейная культура позднего социализма 219
«Время, вперед!» Коммунизм и память по-советски 221
Жизнь вне прогресса 227
Темпоральные проекты социализма 231
Школьное краеведение 236
В поиске социалистического прогресса в деревне 239
Сакральные пространства социализма: «ленинские места Вологодчины» 244
Сельские школы и всесоюзные юбилеи 250

Часть III. Аграрный институт: высшее образование для колхозников

Глава 7. Кадры для советской деревни 256
Знания, дипломы и социальные классы 256
Сельхозобразование 263
Молоко и модерность 267
Технологи молочного производства: история Инны М. 273
Из колхозников в студенты 278
Комсомольские наборы и колхозные стипендии 280
Гендерные аспекты сельхозобразования 286
Домой в деревню: распределение на работу 287
Пропаганда прогресса и научный коммунизм 295
Факультет общественных профессий 300
Стройотряды ВМИ 304

Глава 8. Молочное: академическое село, студенческий городок, рабочий поселок . . . 311
Молочные реки и кисельные берега советской модерности . . . 311
Прогрессивное социалистическое пространство . . . 314
История поселка Молочное . . . 322
«Научники» и пролетариат . . . 325
Поселковая элита: институтские и академические дома . . . 334
«Петровский дом»: образцовый дом советской номенклатуры . . . 339
Совхозные дома и их обитатели . . . 342
Сельское, но не крестьянское . . . 349

Часть IV. Сельский комсомол и воспроизводство неравенства

Глава 9. ВЛКСМ: Проводник модерности — заложник отсталости . . . 354
Дискуссии о советской молодежи . . . 354
Или сельский, или комсомол . . . 360
Прогресс vs. «пережитки»: проблемы сельского комсомола . . . 363
Комсомольские мобилизации . . . 366
Малочисленные сельские организации . . . 372
Комсомол и «несоюзная» молодежь . . . 376
Молодежная миграция и сельский комсомол . . . 381

Глава 10. Невидимый комсомол: колхозные и совхозные организации ВЛКСМ . . . 388
Конфуз в Великом Устюге, или Как работать с молодежью на селе . . . 388
Вологодская непроходимость и сельская «вненаходимость» . . . 390
Комсомольская организация совхоза «Воробьевский» . . . 395
Комсомол в Майском . . . 410
Непопулярная комсомольская активность . . . 416
Оценка деятельности сельских организаций ВЛКСМ . . . 420

Заключение . . . 423

Список использованных источников и литературы . . . 430

Указатель имен . . . 454

Моим родителям
Ие Леонидовне и Юрию Михайловичу

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мою работу над этой книгой можно сравнить с браком по расчету, оказавшимся браком по любви. В 2017 году я начала работать в исследовательском проекте о позднесоветской российской деревне, поддержанном Швейцарским национальным фондом и реализованном в Департаменте восточноевропейской истории философского факультета Цюрихского университета под руководством Екатерины Емельянцевой-Коллер. К тому моменту за моими плечами уже был богатый исследовательский опыт, однако темы, которые меня интересовали до того момента, были далеки от изучения деревни. Тем не менее я с энтузиазмом присоединилась к исследовательской команде, так как это давало преимущества академической аффилиации в Швейцарии, ставшей мне домом, зарплату и возможность продолжать заниматься наукой.

Довольно быстро интерес к советской деревне перестал быть данью уважения к финансирующим меня институтам и перерос в увлекательный поиск ответов на вопросы об устройстве советского общества периода «развитого социализма». Удачно совпало и то, что история моей семьи была тесно связана с историей деревни. Тот факт, что почти все мои родственники выходцы из сельских районов Вологодской области, не только положительно сказался на логистике проекта, позволившего мне подолгу работать в вологодских архивах, но и дал возможность обсуждать предварительные выводы исследования с людьми, о которых я писала в книге. Так история деревни и советской сельскости неожиданно приобрела личное измерение.

Я благодарна руководителю проекта и моим коллегам за плодотворное сотрудничество в стенах Цюрихского университета, неоднократно финансово поддерживавшего мои начинания и академические инициативы. Подготовленная в рамках

проекта диссертация стала исходной точкой в работе над книгой. Я хочу поблагодарить комитет Salomon David Steinberg Foundation, присудивший мне в июле 2022 года грант, который позволил завершить исследование.

Я выражаю искреннюю благодарность моим коллегам по Цюрихскому университету Беньямину Каелину и Анне Соколовой, с которыми было приятно не только делиться архивными находками, сидя за обедом в университетской столовке, но и обсуждать литературу о модерности на онлайн-семинаре, ставшем интеллектуальной отдушиной в непростые пандемийные годы. Спасибо Александре Касаткиной, присоединившейся к нашим встречам в ходе ее постдокторской стипендии в Цюрихе, чей проницательный взгляд помог сделать обсуждения еще интереснее. Я благодарна Цюрихскому университету за финансирование организованной нами конференции «Ландшафты позднесоветской модерности», проходившей в Цюрихе 9–10 сентября 2020 года и ставшей глотком воздуха во время локдауна. Обсуждаемые материалы легли в основу блока статей, подготовленного коллегами и мной в Canadian Slavonic Papers в 2023 году под названием The Feelings of Progress: Peripheral Temporalities during Late Socialism[1].

Отдельные разделы моей работы читали, комментировали и конструктивно критиковали мои друзья и коллеги: Светлана Адоньева, Зузанна Богумил, Татьяна Борисова, Зинаида Васильева, Инна Веселова, Ольга Воронина, Александр Каплуновский, Катриона Келли, Павел Куприянов, Елена Кэмпбелл, Ольга Малинова-Тзиафета, Екатерина Мельникова, Николай Митрохин, Галина Орлова, Алексис Пери, Бенджамин Тромли, Сергей Ушакин, Ксения Черкаева, Бен Эклоф, Алексей Юрчак. Я особенно благодарна Ольге Шевченко, чья интеллектуальная щедрость, дружелюбие и искренний интерес к моей работе не только стимулировали написание этой книги, но и стали основой совместных проектов про позднесоветскую наглядность и визуальные образы социализма. Чрезвычайно полезными оказались рекомендации Кейт Браун по академическому письму,

[1] *Voronina T., Kaelin B.* The Feelings of Progress: Peripheral Temporalities during Late Socialism. Introduction // Canadian Slavonic Papers. 2023. Vol. 65. № 1. P. 1–7.

которые мне посчастливилось получить во время недельного семинара в 2021 году.

Изначально это книга была опубликована по-английски в издательстве Университета Торонто в 2025 году. Русское издание несколько отличается от английского варианта. Во-первых, будучи носителем русского языка, я чувствовала большую свободу в формулировании основных положений книги, что, надеюсь, положительно сказалось на стиле повествования. Я также учитывала то, что российскому читателю не нужно пояснять специфический лексикон советской жизни. Во-вторых, я дополнила русскоязычную версию книги отсутствующей в английском издании главой о праздновании юбилеев в советской деревне, в основу которой легла моя статья из Canadian Slavonic Papers[1], и разделом «Женская антимодерность: школьные беременности». Еще одно отличие в изданиях связано с иллюстративным материалом. Русскоязычная версия книги дополнена изображениями и фотографиями, не включенными в английский вариант. За эту возможность я хочу поблагодарить редакторов «Нового литературного обозрения» и правообладателей изображений. Наконец, в российской версии книги имена давших мне интервью людей изменены на вымышленные из соображений сохранения их приватности.

Своей плодотворной работой в Вологде, в поселках Майский и Молочное я обязана Елене Алексеевне Авдеевой, Антону Люлынскому, Ларисе Черновой, моей сестре Наташе и родителям. Они безропотно брали на себя организационные хлопоты, помогали с доступом и работой в архивах, библиотеках, поиском респондентов и всегда оказывали неизменную поддержку. Клуб любителей истории Молочного под руководством Любови Константиновны Ульяновой и Центр музейной работы Вологодского молочного института и Вологодского маслодельного завода под руководством Любови Дмитриевны Беловой помогли мне собрать материал по истории Молочного института и поселка Молочное. Моими проводниками в мир поселка Майского стали организатор

[1] *Voronina T.* Space and Time in Socialist Countryside: All-Union Anniversaries in Vologda Rural Schools during the 1960s and 1970s // Canadian Slavonic Papers. 2023. Vol. 65. № 1. P. 7–29.

группы в социальных сетях по истории поселка Александр Филин, сохранивший артефакты бывшего совхозного музея, и бывший директор Майской школы Елена Ивановна Воробьева. Мои друзья из Череповца Игорь и Вадим Староверовы, Елена, Антон и Юлия, Ольга Васильевна и Александр Алексеевич Беляевы, Лариса и Ахмед Гюч, чьим гостеприимством и щедростью я не раз пользовалась во время своих поездок, помогали мне с логистикой и путешествиями по Вологодчине. Я благодарна Елене Коркиной за помощь в расшифровке более 100 часов аудиозаписей интервью.

Отдельное спасибо библиотекарям из Вологодской областной универсальной научной библиотеки имени И. В. Бабушкина, архивистам Государственного архива Вологодской области, Вологодского областного архива новейшей политической истории и Российского государственного архива социально-политической истории в Москве за предоставленный доступ к материалам.

Отдельные части книги были представлены в виде докладов и презентаций в различных исследовательских центрах, институтах и университетах России, Европы и США, что было очень полезно для выработки подхода к материалам и оттачивания методологии. За годы работы над книгой я выступала на международной конференции Late Soviet Village: People, Institutions, and Objects Between «Rural» and «Urban» Life Styles, проходившей в Москве в мае 2018 года и организованной Цюрихским университетом при поддержке Германского исторического института в Москве[1]; семинаре «Постаграрная деревня: экономика, стили жизни и отношения», проходившем в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук (Кунсткамере) в Санкт-Петербурге в июне 2018 года; на конференции The Soviet Steppe — Culture, Environment, Economics and Politics, проходившей в швейцарском Фрибурге в феврале 2019 года. В сентябре 2019 года я участвовала в работе панели о сельской молодежи, организованной в рамках конференции European Rural Studies Organisation, проходившей в EHESS в Париже; в международном семинаре The 101st Kilometre. Provincial Marginality from Stalin to Gorbachev, организованном в Университетском колледже Оксфорда в Великобритании в июле 2020 года;

[1] Включен Минюстом РФ в реестр «нежелательных организаций».

в конференции Childhood Memories of Cold War Times and Beyond: Between Connections and Divisions, проводимой на базе Гумбольдтовского университета в Берлине осенью 2020 года. В ноябре 2024 года я делала доклад «(Анти)модерность как протест: сельские школьники и социалистический прогресс» в университете Гренобль-Альпс во Франции, а в мае того же года выступила с докладом How to See Socialism in the «Rural Backwater»? The System of Political Education and Soviet Visibility of Late Socialism на ежегодном семинаре швейцарских и южнонемецких университетов в Вайснеке в Германии. Я также представляла результаты своих исследований по теме на ежегодных конгрессах американских славистов, где делала доклады о темпоральности, школьном образовании и работе агитропа в сельской местности.

Часть текстов, связанных с тематикой исследования, увидела свет в виде статей и глав коллективных монографий. Так, совместно с Анной Соколовой в журнале «Новое литературное обозрение» мы опубликовали статью о сельских партсобраниях (расширенная версия этого текста вошла в сборник «Несовершенная публичная сфера»)[1]; в блоке статей, составленном мной совместно с Беньямином Каелиным и Анной Соколовой и опубликованном в журнале Canadian Slavonic Papers, вышла статья о позднесоветских юбилеях[2]; в «Антропологическом форуме» была опубликована часть про осмысление деревенского детства и конструирование сельскости[3]; совместно с Ольгой Шевченко мы подготовили спецномер для журнала Slavonica под названием Normative Visuality of Late Socialism, or, What Did

[1] *Воронина Т., Соколова А.* Мыслить как коммунисты: протоколы сельских партсобраний «эпохи развитого социализма» // Новое литературное обозрение. 2020. № 164. С. 1–15; Протоколы сельских партсобраний и режимы официальной публичности «в эпоху развитого социализма» // Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России / Ред. Т. Вайзер, Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 372–415.

[2] *Voronina T., Kaelin B.* The Feelings of Progress: Peripheral Temporalities during Late Socialism. Introduction. P. 1–7; *Voronina T.* Space and Time in Socialist Countryside: All-Union Anniversaries in Vologda Rural Schools during the 1960s and 1970s. P. 7–29.

[3] *Воронина Т.* Несоветское детство в вологодской деревне. Рассказы о прошлом и культурная география позднего социализма // Антропологический форум. 2025. № 64. С. 248–267.

Socialism Look Like?, куда вошла наша статья о том, как работала наглядная агитация в сельской местности и как это влияло на образы социализма в деревне[1]. Наконец, моя глава о сельских школьниках вошла в сборник «Деревня как ценность. Идеологии и практики новой сельскости»[2].

Я глубоко признательна Александру Ильичу Абрамову, Елене Алексеевне Авдеевой, Сергею Михайловичу и Ирине Александровне Андреевым, Ирине Александровне Баринцевой, Ольге Викторовне Безбородовой, Валентине Николаевне Беловой, Ольге Васильевне и Александру Алексеевичу Беляевым, Александру Анатольевичу Варфоломееву, Елене Ивановне Воробьевой, Евгению Геннадьевичу Гуляеву, Елене Станиславовне Золотовой, Александру Ивановичу Коршунову, Антонине Александровне Кузнецовой, Татьяне Вениаминовне и Сергею Николаевичу Кузнецовым, Игорю Павловичу Лебедеву, Зое Федоровне Локтиковой, Людмиле Николаевне Макаровой, Эвелине Александровне Медведевой, Генриху Львовичу Параничеву, Владимиру Петровичу Пучкову, Татьяне Леонидовне Румянцевой, Татьяне Степановне и Владимиру Александровичу Семеновым, Людмиле Владимировне Смирновой, Нине Ивановне Соколовой, Зинаиде Алексеевне Староверовой, Сергею Ивановичу Трифонову, Римме Леонидовне Федотовой, Капитолине Федоровне Харламовой, Евгению Николаевичу и Галине Николаевне Хохловым, Ирине Константиновне Шазковой, Галине Васильевне Шиховой за оказанное мне доверие и готовность рассказать о своем опыте. Я признательна мужу Арону и детям Илье и Арине за то, что были рядом и терпеливо переносили мою самоизоляцию и сконцентрированность на работе. Я хочу выразить свою любовь, уважение и благодарность моим родителям Ие Леонидовне и Юрию Михайловичу Ворониным, которым я и посвящаю эту книгу и без которых бы не было ни меня, ни ее.

---

[1] *Voronina T., Shevchenko O.* Taking Place: Visual Agitation in the Soviet Rural Periphery // Slavonica. 2026. P. 1–23.

[2] *Воронина Т.* «Двоечники», «переростки» и «слабоумные»: маргинализация сельской молодежи в советском образовании в конце 1950-х — 1970-е годы // Деревня как ценность. Идеологии и практики новой сельскости: Сборник / Ред. Е. Мельникова, П. Куприянов, М. Лурье. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common Place, 2026. С. 88–128.

ВВЕДЕНИЕ

Один эпизод из семейной истории

Не каждый может похвастаться родственником, который работает в одной из крупнейших Интернет-компаний. Я могу. Мы встретились с Алешей зимой 2012 года в Калифорнии. Родители позвонили мне из Вологды и сообщили, что Алексей, племянник моего отца, окончил магистратуру в одном из университетских колледжей Ванкувера и нашел работу в Сан-Франциско. Я в это время была на постдоке в Калифорнийском университете в Беркли. Предвкушая встречу, я волновалась, что не узнаю его. Последний раз мы встречались на семейном обеде в Вологде больше 10 лет назад. Тогда Леше было 10 лет, мне 20, и я не знала, как он выглядит сейчас. Но, увидев его на перроне метро, сразу опознала. Он был похож на большинство мужчин, смотрящих со страниц нашего семейного альбома. Удивительность этой встречи может быть не вполне понятной, если не знать, что Алеша и я — выходцы из глубокой северной глубинки России. Я родилась в Вологде, он — в Северодвинске Архангельской области. Наш общий предок «крестьянин-середняк» Александр Васильевич Кузнецов жил в маленькой деревне Пружинино Кирилловского района и был неграмотным. Сидя в тени лимонного дерева, мы радовались встрече и удивлялись непредсказуемым поворотам семейной истории.

Я много раз рассказывала друзьям эту историю в доказательство того, что мир тесен и пути Господни неисповедимы. Однако такой ли непредсказуемой выглядит эта история, если взглянуть на нее не как на курьез и случайность, а исходя из логики семейной и социальной истории России XX века? Если отказаться от индивидуализма и подумать о себе как об отпрыске многопоколенной крестьянской семьи с широких просторов Русского Севера, придирчиво выбиравшей жизненные стратегии, чтобы

выжить и сохранить потомство в трудном климате и непростых перипетиях советской истории, то наша встреча в Калифорнии не будет выглядеть такой уж и неожиданной. Не надеждами ли на сохранение потомства и лучшую жизнь был оправдан культ учебы в семьях вологодских крестьян?

Причина, почему Алексей и я оказались на другом континенте в 2012 году, связана с образованием, которое и является одной из основных тем этой книги. Когда я училась в школе на излете 1990-х, вопрос получения мной и моей старшей сестрой высшего образования даже не обсуждался в семье. Это было одним из немногих, но строгих требований родителей. Столь же требовательны к получению высшего образования были и родители Алексея. Ирония, однако, заключалась в том, что представление о ценности образования возникло в нашей семье относительно недавно. Мои дедушка и бабушка были малограмотными людьми, едва умевшими расписываться на документах. Однако именно они мотивировали моего отца усердно учиться в школе, так как в определенный момент им стало ясно, что будущее их сына должно быть связано не с крестьянским трудом и жизнью в деревне, а с получением образования и переездом в город. В результате мой отец, окончивший сельскую школу в 1966 году, стал студентом факультета механизации сельскохозяйственных машин Вологодского молочного института (ВМИ), по окончании которого распределился в родной совхоз, где сразу получил должность главного инженера. В том же году он познакомился с моей мамой — на тот момент молодым агрономом, отправленным в совхоз после окончания сельскохозяйственного техникума.

На снимках того времени моя мама — стройная девушка в мини-юбке и озорной косынке с модным прозрачным солнцезащитным козырьком. В 1971 году она — молодой специалист и секретарь комсомольской организации совхоза. Ей всего 18. Мой папа — 22-летний старший инженер совхоза, в очках с роговой оправой, взъерошенными волосами и обворожительной улыбкой — позирует фотокорреспонденту районной газеты. Родители переедут из совхоза в поселок Молочное под Вологдой спустя два года, когда отец получит предложение стать лаборантом и младшим преподавателем кафедры кибернетики

в Вологодском молочном институте, откуда спустя пару лет он уедет в Ленинград, чтобы писать диссертацию. Чуть позднее в Молочное переедут папины родители. Там же появится на свет моя сестра и я. Переехав, моя мама заочно окончит агрономический факультет ВМИ и станет работать семеноводом, а затем и старшим научным сотрудником Северо-Западного научно-исследовательского института луговодства и молочно-пастбищного хозяйства РСФСР (СЗНИИЛМПХ). Другими словами, переезд моих родителей из кирилловской деревни в город связан исключительно с образованием и осознанием его важности для детей, чтобы им не пришлось ходить в школу за много километров и читать книги урывками, в ущерб обременительной и никогда не прекращающейся крестьянской работе.

Биографии моих родителей, вероятно, не самые типичные для Вологодской области, хотя и не удивительные для своего времени. В СССР 1960–1970-х годов существовали серьезные ограничения, заметно сужавшие диапазон образовательных возможностей у желавших учиться сельских подростков. Однако этапы обучения (сельская школа — техникум или институт), выбор профессий и специализаций, работа в сельском хозяйстве по распределению, наконец, миграция в город — все это этапы хорошо узнаваемого в сельских районах Европейской России коллективного опыта. О нем и его значении для советского общества и пойдет речь в этой книге. Поэтому я сделала своих родителей полноправными ее персонажами, а история, которую я рассказываю, во многих смыслах оказалась личной историей.

«Развитой социализм» и сельская молодежь

Рассказывать историю молодежи в СССР непросто уже потому, что о ней написано много блестящих работ. Читая исследования Игоря Кона, Алексея Юрчака, Сергея Жука, Юлиане Фюрст, Глеба Ципурского, Алексея Голубева, Бенджамина Тромли, Дональда Рейли, социологов Хиллари Пилкингтон и Елены Омельченко, Владимира Ядова, Леонида Гордона и Эдуарда Клопова и многих других авторов, мы узнаем, что послевоенная советская молодежь состояла в комсомоле, входила в неформальные объединения, мечтала о джинсах, танцевала твист и рок-н-ролл, училась

в школах, техникумах и университетах, тусовалась в подъездах, отличалась от своих родителей[1]. Однако, как и в большинстве описаний позднесоветского времени, получившаяся картина характеризует лишь ту часть молодежного сообщества, которая в разные десятилетия проживала преимущественно в крупных советских городах. О том, как жила сельская, можно узнать лишь из немногочисленных статей[2] да из книг советских социологов, написанных в канун расцвета «социологии села» более 50 лет назад[3]. Поэтому неудивительно, что послевоенный

---

[1] *Fürst J.* Stalin's Last Generation: Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism. Oxford: Oxford University Press, 2010; *Golubev A.* The Things of Life: Materiality in Late Soviet Russia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2021; *Pilkington H.* Russia's Youth and Its Culture A Nation's Constructors and Constructed. London; New York: Routledge, 1994; *Raleigh D.J.* Soviet Baby Boomers. An Oral History of Russia's Cold War Generation. Oxford, UK and New York, USA: Oxford University Press, 2011; *Tromly B.* Making the Soviet Intelligentsia: Universities and Intellectual Life under Stalin and Khrushchev. Cambridge: Cambridge University Press, 2013; *Tsipursky G.* Socialist Fun: Youth, Consumption, and State-Sponsored Popular Culture in the Soviet Union, 1945–1970. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2016; *Yurchak A.* Everything Was Forever, Until It Was No More. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006; *Zhuk S.* Rock and Roll in the Rocket City: The West, Identity, and Ideology in Soviet Dniepropetrovsk, 1960–1985. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press, 2010; *Боряз В.Н.* Молодежь: методологические методы исследования. Л., 1973; *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Человек после работы. М.: Мысль, 1972; *Они же.* Жизнь советского рабочего. М.: Политиздат, 1982; *Грушин Б.А.* Мнения о мире и мир мнений. М.: Мысль, 1967; *Кон И.С.* Социология личности. М.: Политиздат, 1967; *Он же.* Психология юношеского возраста. М.: Просвещение, 1979; *Он же.* Дружба. М.: Знание, 1980; *Он же.* Сексуальная культура в России. М.: Политиздат, 1989; *Лисовский В.Т.* Социальные ожидания молодежи. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967; *Он же.* Ценности и интересы молодежи. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984; *Омельченко Е.* Молодежь: открытый вопрос. Ульяновск: Симбирская книга, 2004; *Шубкин В.Н.* Молодежь перед выбором. М.: Мысль, 1969; *Ядов В.А.* Социальные ориентации личности. Л.: Наука, 1975.

[2] В качестве исключения выделю исследование Дмитрия Козлова о молодежных движениях Архангельска: *Козлов Д.* Социализация советской молодежи периода «оттепели»: варианты альтернативных идентичностей (на примере Архангельской области) // Лабораториум: Журнал социальных исследований. 2012. № 2. С. 117.

[3] См., например: *Арутюнян Ю.В.* Социальная структура сельского населения СССР. М.: Мысль, 1971; *Симуш П.И.* Социальный портрет советского крестьянства. М.: Политиздат, 1976; *Слепенков И.М., Князев Б.В.* Молодежь села сегодня. М.: Молодая гвардия, 1972; Современная советская деревня: Тезисы докл. сов. ученых на IV Всемирном конгрессе по социологии деревни. Польша, Торунь, 9–14 авг. 1976 г. / Ред. Ю.В. Арутюнян, В.И. Староверов. М., 1976;

СССР прочно ассоциируется с городской советской культурой, что, однако, не вполне справедливо.

Во-первых, большая часть городской советской молодежи 1960–1970-х — это вчерашние сельские школьники, переехавшие в города на учебу или работу. Во-вторых, в некоторых российских регионах, как, например, в рассматриваемой мной Вологодской области, в 1960–1970-е годы сельское население продолжало доминировать над городским и сельской молодежи было несильно меньше, чем городской. Однако опыт этих людей считался уже нетипичным для позднесоветского общества. Более того, этого опыта стыдились и стеснялись сами его обладатели, что, в общем, понятно. Я по себе знаю, как неприятно, когда особенности твоего регионального выговора или интонирования речи (в Вологде «окают» и быстро говорят — «тараторят») становятся предметом повышенного внимания и снисходительной улыбки со стороны «говорящих правильно» и «акающих» жителей столичных и центральных регионов России. Поэтому неудивительно, что люди, переехавшие в города и нередко скрывавшие свое сельское происхождение, находили странным, что их опыт взросления и социализации в сельской местности может быть кому-то интересен.

Пару раз в ходе проекта я получала отказы в интервью. Однако если разговор все же происходил, то он обычно доставлял удовольствие всем участникам. Я с теплотой вспоминаю, как Любовь С., по моей просьбе убеждавшая согласиться на интервью свою соседку по даче, восклицала: «Соглашайся, тебе понравится!» В этом восклицании была не только похвала мне как внимательному слушателю, но также радость человека, признавшего, что его история жизни важна и интересна, а сельское происхождение не только не является стигмой, но, наоборот, может быть предметом гордости. Свободное по форме биографическое интервью позволило людям рассказывать о себе свободно, без снисходительной усмешки в адрес своего сельского происхождения.

Социальный облик колхозной молодежи: По материалам социол. обследований 1938 и 1969 гг. / Ред. В.Е. Полетаев. М.: Мысль, 1976; Социальный облик сельской молодежи / Ред. В.И. Староверов. М.: ИСИ, 1985; *Староверов В.И.* Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого Социализма. АН СССР. ИСИ. М.: Наука, 1978.

Однако почему все-таки сельская молодежь, а не другие группы сельского населения оказались в центре внимания книги? Главная причина заключается в том, что именно с судьбами молодежи связаны ключевые изменения в позднесоветской российской северной деревне. Именно ее советское руководство поставило в центр колоссального социального эксперимента, приведшего в результате к депопуляции сельских районов и урбанизации, не прекратившейся в России до сих пор. На мой взгляд, такой результат лишь отчасти связан с советской экономической политикой в деревне. Крестьяне Европейского Севера стремились сохранить свой уклад вопреки всем бедам и испытаниям. Словно птица феникс, деревни возрождались после стихийных бедствий, голода, войн, коллективизации и неурожаев. Однако послевоенные изменения в СССР поставили точку в аграрной истории Русского Севера и привели к почти полному исчезновению некогда самого многочисленного класса в России. Что заставило людей отказаться от гарантированного веками способа выживания?

Энтони Гидденс, отвечая на этот вопрос, полагает, что во всем виновата модерность[1]. Она изменила темпоральные представления людей Нового времени, благодаря которым общества перестали доверять опыту и традиции, а люди — наследовать существующим социальным сценариям, обусловленным их происхождением. Западноевропейская модерность была слишком ориентирована на индустриальное развитие и разрушала сельские миры. Советской спецификой в этом процессе, кажется, было лишь то, что в вологодские деревни модерность проникала благодаря целенаправленной образовательной политике Советского государства и в пропущенной через учение о социализме форме. Как только сельская молодежь уверовала в линейный прогресс, восприняла модернизационные ценности и отказалась от классовой принадлежности и готовности жить по старинке, северная деревня оказалась обречена.

Курс Никиты Хрущева на ликвидацию отличий между городом и деревней, объявленный на XXII съезде КПСС в октябре

[1] *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Stanford: Stanford University Press, 1990.

1961 года, предполагал, что сельская молодежь будет такой же передовой и прогрессивной, как и городская. Весьма показательно, что журнал «Сельская молодежь», перезапущенный в 1962 году с цветными вкладками, иллюстрациями и модным дизайном, был одинаково читаем по всей стране. Его «сельская» специфика, проступающая в кратких очерках о жизни совхозных комсомольских организаций, выглядела ценой за публикацию модных детективов, из-за которых журнал ставил рекорды по тиражам[1]. В советском официальном дискурсе молодежь была одной группой, в которой статус комсомольца, школьника или молодого рабочего лишь слегка оттенялся штрихами на коллективном портрете. Советская бюрократия, конечно, отделяла комсомольскую молодежь от не состоящей в ВЛКСМ (или «несоюзную» в этимологии тех лет), школьную от студенческой, рабочую от колхозной, но «Моральный кодекс строителей коммунизма», принятый в 1961 году, был рассчитан на всю молодежь, без разбора, и описанные в нем принципы жизни в бесклассовом обществе будущего объявлялись универсальными для всех. Как писала Катриона Келли, советская молодежь в эти годы представляла собой скорее идеологическую концепцию, нежели биологический возраст, чем сильно отличалась от своих западных сверстников[2].

Тот факт, что сельская молодежь фигурировала в официальном дискурсе как часть советской молодежи, не отменяло ее классовой принадлежности. Сельская молодежь 1960–1970-х в большинстве своем состояла из детей колхозного крестьянства, и на нее распространялись ограничения своего класса. До 1966 года сельские подростки наравне со взрослыми отрабатывали колхозные трудодни, помогали семьям выплачивать продовольственные налоги, выполняли обязательные трудовые повинности в колхозе[3]. Классовый подход к сельской

---

[1] *Попцов О. М.* Жизнь вопреки. М.: Алгоритм, 2018.

[2] *Kelly C.* The End of Childhood and/or the Discovery of the «Tineidzher»? Adolescence in Soviet and Post-Soviet Culture // Eastern European Youth Cultures in a Global Context / Ed. by M. Schwartz, H. Winkel. London: Palgrave Macmillan., 2016. P. 21–44.

[3] *Шубин С. И.* История трудодня (1930–1966) как меры труда и инструмента его стимулирования // Вестник Северного (Арктического) Федерального Университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 6. С. 34.

молодежи предопределил и то, что в советской историографии она всегда рассматривалась в контексте изучения истории крестьянства, хотя и как самая прогрессивная ее часть. В годы расцвета советской «социологии села», которая пришлась на 1960–1970-е годы, сельской молодежи посвящались отдельные главы в исследованиях[1]. Социологи и этнологи тех лет оптимистично писали, что социалистические ценности и городские практики жизни становились в сельской среде все более и более популярными, а сама молодежь — все сильнее походила на городских сверстников[2]. При этом советские социологи рассматривали сельскую молодежь не как единую группу. Своеобразная трактовка классового общества при социализме предполагала деление сельской молодежи на сельскую интеллигенцию и наследников трудового крестьянства. К первой категории относились распределившиеся на село и отучившиеся в институтах и техникумах девушки и юноши. Ко второй — рядовые рабочие совхозов и колхозов. При этом со временем классовый детерминизм в исследованиях исчез и категоризация сельской молодежи приобрела намного больше нюансов, связанных не только с их социальным происхождением, но с регионом проживания, родом занятий и местом проживания, например вблизи или вдали от городов[3].

С талантливых фотографий учителя Юрия Галёва, снимавшего обитателей архангельского села Вожгора в 1968–1978 годах, на нас смотрят деревенские жители, как и 100 лет назад занятые на сенокосе и хоронящие по православному обычаю своих

---

[1] *Алымов С. С.* Неслучайное село: Советские этнографы и колхозники на пути «от старого к новому» и обратно // Новое литературное обозрение. 2010. Вып. 101. № 1. С. 109–129.

[2] *Симуш П. И.* Социальный портрет советского крестьянства. 1976; *Рывкина Р. В.* Образ жизни сельского населения: методология, методика и результаты изучения социально-экономических аспектов жизнедеятельности. Новосибирск: Наука, 1979. С. 211.

[3] *Заславская Т. И.* Распределение по труду в колхозах. М.: Экономика, 1966; *Венжер В. Г.* Колхозный строй на современном этапе. М.: Экономика, 1966; Миграция сельского населения / Ред. Т. И. Заславская. М.: Мысль, 1970; *Староверов В. И.* Социально-демографические проблемы деревни: Методология, методика, опыт анализа миграции сельского населения. М.: Наука, 1975; *Рывкина Р. В.* Образ жизни сельского населения: методология, методика и результаты изучения социально-экономических аспектов жизнедеятельности.

покойников[1]. Деревенская молодежь, более образованная, чем их родители, подстриженная и одетая по европейской моде, отличалась от городских сверстников. Сельские девушки и юноши не только жили в других условиях и имели другой род трудовой занятости, но и располагали значительно меньшим доступом к государственным ресурсам. Их переезд в город был попыткой избавиться от клейма социального происхождения, долгое время ограничивавшего их возможности в поиске лучшей, современной жизни[2].

Категоризировавшие молодежь по месту ее социализации ученые обычно указывают на сложившуюся систему городского и сельского неравенства[3]. Так, отмечается, что в ходе модернизации сельская молодежь чаще страдает от безработицы и имеет худшее по сравнению с городами образование, которое делает ее более уязвимой на рынке труда[4]. В этом смысле положение сельской молодежи СССР в 1960–1970-е годы не слишком отличалось от положения сельских юношей и девушек в большинстве стран мира.

Процесс миграции молодежи из деревень в города также не уникален для СССР. Он затронул практически все европейские общества и растянулся на столетия[5]. Однако советская сельская молодежь уезжала в города не только из-за бедности и неустроенности деревенской жизни, но и из-за созданных советским проектом коллективных ожиданий от будущего, в котором не было места для «модной и современной деревни»[6]. Вместо этого там

---

[1] Российская повседневность. Электронный архив. Фотоархив Ю. А. Галева. http://daytodaydata.ru/type/themgroups?dv=3437194&at=3394299&ot=3393999&cd=10 (дата последнего обращения: 28.07.2025).

[2] *Горбачев О. В.* На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946–1985) и советская модель урбанизации. М.: Изд-во Московского педагогического государственного университета, 2002.

[3] *Cuervo H.* Critical Reflections on Youth and Equality in the Rural Context // Journal of Youth Studies. 2014. Vol. 17. № 4. P. 544–557.

[4] Ibid.; *Farrugia D.* Young People and Structural Inequality: Beyond the Middle Ground // Journal of Youth Studies. 2013. Vol. 16. № 5. P. 679–693.

[5] *Горбачев О. В.* На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946–1985) и советская модель урбанизации. С. 11–15.

[6] *Денисова Л. Н.* Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М.: Институт российской истории РАН, 1996. С. 127.

фигурировали «недогорода» в виде поселков городского типа, в которых жили не крестьяне, а «рабочие совхозов». В иерархии возможностей, предоставляемых советским модернизационным проектом, жизнь в сельской местности имела меньший набор возможностей по сравнению с городской. И в этом смысле, хотя отъезд молодежи в города не поощрялся, советское руководство воспринимало его как неизбежный процесс социального развития, который хотя и происходит чуть более стихийно, чем планировалось, но логичен и соответствует программе строительства социализма. Поэтому отношение советского руководства к миграции сельской молодежи в города всегда отличалось противоречивостью. Несмотря на периодические увещевания райкомов, обкомов и ЦК ВЛКСМ о необходимости увеличения числа комсомольцев в сельскохозяйственном производстве и принятии специальных программ по «закреплению кадров» на селе, в целом комсомол не препятствовал миграции и, даже наоборот, стимулировал отъезд, проповедуя идеалы урбанизированного модернизационного советского проекта и вселяя в молодежь веру в открывающиеся возможности глобального социализма с выбором профессии по душе и возможностью жить там, где хочется.

Вслед за антропологами и фольклористами, исследовавшими деревенскую жизнь путем включенного наблюдения и сбора интервью, я изучала сельскую молодежь Вологодчины 1960–1970-х годов в местах ее проживания — в сельских районах Вологодской области. Я интересовалась их биографиями и слушала их рассказы о себе, стремясь понять, кто и как определял их стратегии поведения в прошлом[1]. В этой связи я интервьюировала не только тех людей, которые жили и до сих пор живут в сельской местности, но и тех, кто родился в деревне, но переехал в город. Исследуя эти тексты, я заметила, что разница полученного ими опыта (сельского и городского) влияла на их рассказы о прошлом не меньше, чем гендерная принадлежность и политические предпочтения.

Я изучала сельскую молодежь 1960–1970-х через анализ образовательных практик, отношение людей к учебе, их взаимо-

[1] *Олсон Л., Адоньева С.* Традиция, трансгрессия, компромисс. Миры русской деревенской женщины. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

действие с государственными институтами, в частности школой и комсомолом. Сельская школа и комсомольская организация часто были единственными институциями, работавшими с молодежью в вологодской деревне. Они формировали основной корпус документов, поэтому способны рассказать о том, как государство выстраивало молодежную политику в сельской местности. Погружаясь в справки и инструкции советской бюрократии о работе школ, комсомола и сельхозвуза, я стремилась понять, а что, собственно, сельского было в их работе? Как они взаимодействовали с сельской средой, которая обычно оставалась за рамками бюрократических формулировок? В чем заключался их модернизационный посыл?

Итак, в центре внимания книги — анализ работы образовательных институтов в деревне: сельского комсомола, общеобразовательной сельской школы и сельскохозяйственного университета, а также истории людей, которые выросли в деревнях и поселках Вологодской области в 1960–1970-е годы. Я отдаю себе отчет в том, что понятие «молодежь» как аналитическая категория весьма амбивалентно и включает разные возрастные категории людей: как юных участников, только что вышедших из детства, так и зрелых людей, вступающих в категорию взрослых. В СССР это понятие конструировалось как на основе психовозрастных особенностей людей, предлагая границы от 12 до 35 лет, так и в соответствии с социальными маркерами[1]. Так, в пионеры в 1960–1970-е годы принимали в 9–10 лет, а в комсомол — в 14–15. Источниковая база советских образовательных институтов, с которой я работаю в книге, определила возрастные границы изучаемой мной категории. Поэтому в центр моего внимания попали люди от 7 лет, возраст, когда советские дети отправлялись в школы, до 27 лет — времени формального выхода из комсомольского возраста.

Неравенство

В этой книге я рассказываю историю исчезновения колхозного крестьянства, описывая судьбы сельской молодежи Вологодской

[1] *Kelly C.* The End of Childhood and/or the Discovery of the «Tineidzher»? Adolescence in Soviet and Post-Soviet Culture.

области. Я утверждаю, что наиболее драматические изменения в российской деревне произошли тогда, когда сельская молодежь, следуя совету В. И. Ленина «Учиться, учиться и еще раз учиться!», включилась в проект советской модерности, отказавшись от воспроизводства социальных стандартов своего класса и характерной для крестьянства и локальных сообществ системы знания. Будучи вовлечены в обязательное с 1960-х годов государственное образование, сельские юноши и девушки стали адептами советской модерности, отказавшись от устоявшихся обычаев и образа жизни, которые до тех пор определялись миропониманием их родителей. «Программа строительства коммунизма», принятая на XXII съезде в 1961 году, не истребила, но усугубила существовавшее между городским и сельским населением неравенство посредством навязывания сельской молодежи урбанизированных представлений о прогрессе[1]. Если в довоенный период сельская местность испытывала неравенство в связи с несправедливыми практиками перераспределения ресурсов в стране и ограничения представительства во власти основных ее жителей — колхозников, то после принятия «Программы строительства коммунизма» сельской местности было отказано в самой возможности отличаться от города. С этого времени государство стало объяснять проблемы села не классовым неравенством и «антисоветским» отношением людей к собственности, а особенностями сельских ландшафтов и местом деревни на линейке социалистического развития. Такой подход позволял власти закрывать глаза на сохранившееся и воспроизводимое

[1] «Программа строительства коммунизма», или «Третья программа КПСС» — основной документ Коммунистической партии Советского Союза, принятый на XXII съезде 31 октября 1961 года. Программа включала развернутое объяснение намеченных съездом реформ в политике, экономике и социальных отношениях СССР. Реализовать главную задачу программы — создание коммунистического общества — планировалось к 1980 году. В отличие от других программ КПСС Третья программа КПСС отличалась конкретным описанием коммунистического общества будущего, которое нашло отражение в докладе Никиты Хрущева на XXII съезде, и четко обозначенными сроками построения этого общества в СССР. Подробнее см.: *Cherkaev K.* Gleaning for Communism. The Soviet Socialist Household in Theory and Practice. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2023. S. 97–115; *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 12–18.

в стране социальное неравенство населения, списывая его на неравномерность развития советских территорий.

Таким образом, главный аргумент данного исследования заключается в утверждении, что «Программа строительства коммунизма», разработанная в рамках «достраивания коммунизма» в стране, предполагала завершение формирования бесклассового общества в СССР, однако она оказалась не средством ликвидации неравенства, но лишь способом его сокрытия. В 1960–1970-е годы власти СССР перестали признавать социальную, культурную и локальную специфику крестьянства как класса, способного формировать свое видение будущего. Сельские и ориентированные на сельское население учебные заведения перестали воспроизводить местное знание и социальные установки проживавших в сельской местности групп, ориентируя учеников на глобальный мир советской модерности и призывая покончить с ценностями аграрной автономии и локального знания. Именно это привело к маргинализации сельского образа жизни и поставило под сомнение ценность местной идентичности. Вместе с обязательным для каждого советского человека пониманием реальности, заложенным в образовательной системе СССР 1960–1970-х годов, сельские ученики обретали новые идентичности и новые для сельской периферии способы самоидентификации, что разрушало сельские миры и нивелировало ценность аграрной автономии внутри выстроенной советской системы. Другими словами, я утверждаю, что раскрестьянивание вологодской деревни произошло не в ходе коллективизации 1930-х годов, когда деревня лишилась сотен тысяч рабочих рук, и не столько в результате разорения самых экономически успешных сельских хозяйств, произошедшего в годы войны и послевоенного голодного периода, сколько в связи с образовательными и социальными реформами 1960–1970-х годов. Именно в это время государство полностью отказалось признавать крестьянство как социально автономную группу, что привело к колоссальным изменениям в жизни сельской молодежи и, как следствие, к ее переориентации с сельской на городскую культуру и новый для себя образ жизни.

Борьба за равенство возможностей в СССР считалась главной отличительной чертой коммунистического общества. Однако

реализовать эту программу на практике оказалось крайне непросто, учитывая сложность социального устройства страны и отсутствие независимой от власти КПСС социальной экспертизы. В итоге государственные эксперты и идеологи на свое усмотрение решали, из каких групп состоит общество, как именно оно устроено и, соответственно, какие социальные группы в нем обладают субъектностью и культурной автономией, а какие нет[1].

Я анализирую городское и сельское неравенство в СССР как историк, не как социолог. Поэтому чистоте и универсальности социальной теории, которая бы определяла структуру книги, я предпочитаю многообразие и сложность описываемых мной сюжетов[2]. Я исследую разные уровни социального устройства сельского общества: институциональный уровень, уделяя внимание работе советских институтов в деревне; образовательный уровень, исследуя специфику сельского образования; политический, изучая, как принадлежность к комсомолу влияла на социальный статус и биографии селян; и, наконец, нарративный уровень, задаваясь вопросом о том, как опыт проживания в деревне в 1960–1970-е повлиял на рассказы о прошлом и восприятие своей жизни. Внимание к этим вопросам позволило мне обнаружить элементы дискриминации, с которыми сталкивалась сельская молодежь вологодских деревень в 1960–1970-е годы. Хотя большинство авторов, писавших о советской деревне, сходится во мнении, что в основе неравенства города и деревни и советских классов и групп лежала утилитарная советская политика государства в отношении к сельским экономикам, разорявшая крестьян и делавшая невыгодным занятие сельским хозяйством в СССР, я связываю такое положение не только с экономикой[3].

---

[1] *Fitzpatrick Sh.* Ascribing Class // Journal of Modern History. 1993. Vol. 65. № 4. P. 745–770.

[2] О концепциях социального неравенства см.: *Wright E. O.* Approach to Class Analysis. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2005; *Бурдьё П., Пассрон Ж. К.* Воспроизводство: элементы теории системы образования. М.: Просвещение, 2007; *Пикетти Т.* Общества неравенства. М.: Родина, 2023; в том числе в России: *Кордонский С. Г.* Сословная структура постсоветской России // Мир России. 2008. № 3. С. 37–66; *Тихонова Н. Е.* Социальная структура общества. М.: Новый Хронограф, 2014.

[3] *Денисова Л. Н.* Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы; *Bruisch K.* Knowledge and Power in the Making of the Soviet Village // Governing

Не оспаривая вывод об экономической подоплеке дискриминационной политики в советской деревне, я показываю, что отказ от крестьянского образа жизни и разрыв с деревней на российском Северо-Западе произошел под сильным влиянием инициированных государством культурных трансформаций послевоенного времени.

Сельские общины Европейского Севера сохранили представления о ценности жизни «на земле», несмотря на десятилетия губительной для сельхозпроизводства политики властей. Даже коллективизация, несмотря на все порожденное ею насилие, не уничтожила сельскую культуру на севере. Однако после хрущевской образовательной реформы и реализации программы принудительной урбанизации в 1960-е годы характерные для северной деревни крестьянский образ жизни и сельская культура были маргинализированы, а затем и вовсе вытеснены новыми модерными представлениями о реальности. Обязательное школьное образование, учившее детей прогрессу, прививало им мысль о бесперспективности сельского образа жизни, усугубляя тем самым различия — экономические, культурные, мировоззренческие — между городом и деревней. Другими словами, я показываю, что сельская молодежь покидала северную деревню в 1960–1970-е годы не только из-за плохих условий жизни, но и потому, что не желала быть несовременной.

Благодаря образованию молодые люди меняли не только свою жизнь, но и социальную траекторию класса, к которому принадлежали. Местная идентичность, локальные знания и крестьянская культура были принесены в жертву идеалу социального прогресса, связанного с городскими концепциями социализма. Вологодская деревня смогла выдержать коллективизацию, страшный послевоенный голод, но капитулировала перед трансформациями в области культуры и образования,

---

the Rural in Interwar Europe / Ed. by L. van de Grift, A.R. Forclaz. London: Routledge, 2018. P. 139–163; *Eadem.* The Soviet Village Revisited // Cahiers du monde russe. Vol. 57. № 1. P. 81–100; *Безнин М.Н., Димони Т.М.* Интеллектуалы в сельском хозяйстве России 1930–1980-х гг. // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 1. С. 29–41; *Они же.* Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов. М.: Книжный дом «Либроком», 2009; Судьбы российского крестьянства / Ред. Ю.Н. Афанасьев. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1996.

происходившими среди сельской молодежи в рамках программы «достраивания коммунизма» в деревне.

Хронологические рамки исследования охватывают два десятилетия — 1960–1970-е годы, в которые «Программа строительства коммунизма» определила вектор развития страны и сделала приоритетными уничтожение классовых отличий и слияние города и деревни.

Сельские миры Вологодчины

Книга погружает читателя в пасторальный мир Вологодской области, расположенной на северо-западе европейской части России и являющейся одним из регионов Русского Севера. В 1960–1970-е годы она относилась к территории российского Нечерноземья и была одним из наиболее проблематичных сельскохозяйственных регионов РСФСР[1].

Помимо трудностей, вызванных войной, революцией и коллективизацией, Вологодская область пострадала от целинной кампании (1954–1964), средства на которую изымались с территорий Русского Севера[2]. Как заметила Любовь Денисова: «СССР в целом достиг довоенного уровня производства зерна в 1955 году, а Нечерноземье — только в 1967 году»[3]. Как и весь север, область находилась в ситуации депопуляции, начиная с конца XIX века, в связи с отходничеством сельского населения в индустриальные районы[4]. 80% населенных пунктов Вологодской области в 1960–1970-е годы — это небольшие деревни, с численностью населения до 100 человек[5]. Такие деревни представляли собой оптимальный тип поселений для сложного лесного ландшафта, изрезанного большим количеством рек, озер и болот.

---

[1] *Денисова Л. Н.* Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. С. 4.

[2] Там же. С. 16.

[3] Там же.

[4] Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX века / Ред. В. П. Терехов. М.: Наука, 2001.

[5] Demoskop Weekly. Всесоюзная перепись населения 1979 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg2.php (дата последнего обращения: 30.07.2025).